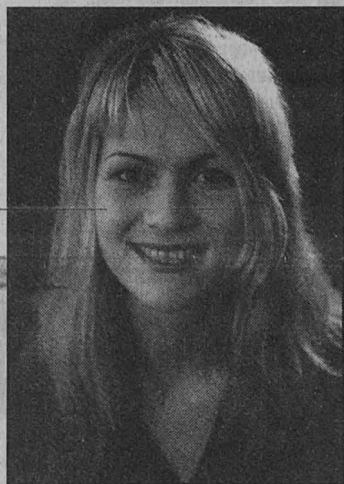

ВМЕСТЕ С ШАГАЛОМ НАД КРЫШАМИ...

Моск. правда — 1998. — 23 окт. — с. 11.

— Виктория, музыка, заполняющая вашу жизнь, это что — способ существования, приобретенный с годами, или наследство, полученное от родителей?

— Музыка — это образ моей жизни. Это — не генное. Это рок или судьба, если хотите. Люди заводят задушевный разговор, когда хотят выразить то, что думают. Я же пыталась, сколько себя помню, общаться посредством пения. Жизнь, по меткому выражению **Станиславского**, постоянно "выбивала стул", на котором я успевала удобно расположиться. Бесконечные переезды с места на место — мои родители были военными — не давали обосноваться где-либо больше чем на год. Скитания по городам, странам, калейдоскоп лиц, судеб, культур — тут было отчего запеть. За два десятка лет я познала и горькие потери, когда уходили из жизни близкие друзья. Познала и настоящее братство людей, когда мы вместе с несколькими семьями военных жили "запертыми" в каком-нибудь маленьком лесном поселке.

А родилась я в Витебске. Отсюда и название одной из моих песен "Двое над Витебском" о всех влюбленных. В семье музыку любили. Отец играл на аккордеоне. Бабушка отлично пела. У нее было интересное имя — **Иллида**. Моя прабабушка была очень тонким человеком. Она всегда говорила, что не только воспитание, но и имя для ребенка очень много значит, и избирала своим детям необыкновенные имена — **Альберт**, **Иллида**. Меня называли Викторией. От прабабушки я узнала о генеалогическом древе нашей семьи — во мне оказалось намешано семь кровей: немецкая, латышская, литовская, еврейская, русская, белорусская и еще польская. Вот эта огненная смесь плюс то, что я родилась в год Быка — "лбом сквозь все стены", — наложили серьезный отпечаток на мое творчество.

Я много жила в диких местах, что тоже повлияло на меня как на музыканта. Это были военные ракетные городки, от которых ближайшая деревушка располагалась не ближе чем в 30 километрах. Это рождено любовью к уединению, рас-

полагало к мечтательности, настраивало на размышления о жизни, о задаче человека, о том следе, который он оставляет на Земле. В детстве я часто строила шалаши в лесу недалеко от военного городка, по несколько месяцев ночевала там, готовила на костре. Кроватку служили правильно выложенные мхом ветки. В спальнике в лесу ночью можно замерзнуть. Во мху — никогда.

Помню частую непогоду, бури над поселком... Не было даже телевизора. И единственной ниточкой, соединяющей с миром, был маленький транзистор на батареечках. Он включался, и когда удавалось словить какую-нибудь музыку, — это было нечто. Возникало ощущение, что вся Вселенная в этой ночной беспредельности посылает нам надежду и любовь людей — близких и, одновременно, таких далеких. Никогда не забуду ощущения, когда все эти радиоволны, вся информация в транзисторе смешивается в одно хаотическое звучание, и в нем постепенно выстраивается гармония, появлялась мелодия и сразу представлялся весь мир. Из Хаоса рождается Космос. Поэтому радио мне роднее, чем магнитофоны, видео и телевизоры.

Жили мы в поселке, как правило, шесть-семью домами. Слово одной большой семьей. Вокруг — леса. Двери в дома не запирались никогда. Знали, что у кого происходит. Фактически не имело значения, сколько человек зарабатывал. Так как военные друг другу посылали посылки. Из Владивостока нам приходила в подарок икра, из Латвии — сыры и конфеты какие-нибудь необыкновенные. И теплые письма. Может, тогда я впервые ощутила, что между близкими людьми не существует физического расстояния. Мне повезло — я за полгода до черной аварии уехала из городка, которому досталось больше других — он находился в нескольких десятках километров от АЭС. Там жили мои друзья. Многие, наверное, сейчас уже нет в живых.

Я познала и богатство, и жесточайшую нищету в своей жизни. В период, когда у меня не стало отца и мать вынуждена была одна нас с

сестрой растить. Я тогда училась в музыкальном училище в Витебске. Мой распорядок дня был следующий — я вставала в 4 часа утра в городе Витебске, куда мы переехали после Чернобыля. Садилась на поезд и ехала в Минск на репетицию к **Финбергу**, в его оркестр. А в 15.25 я уже уезжала обратно.

Но вот мне исполнилось двадцать лет. И в 1992 году я отправилась в Москву. Это был прыжок в неизвестность с 20 рублями в кармане. У меня была большая перспектива пойти на Тверскую... Мне кажется, что людям, которые приезжают в чужой город, не хватает немножечко веры в себя. Но я седьмым чувством ощущала, что "все свое привезла с собой", и не секунды не сомневалась, что поступлю в ГИТИС, какой бы конкурс там ни был. Я оказалась на режиссерском факультете. Но мне не нужен был просто диплом. Мне нужны были ремесленные навыки, чтобы уметь разговаривать телом, мимикой, голосом. Я понимала, что гитисовского образования не хватит. И стала брать дополнительные уроки. **Николай Огрызков** преподавал мне танец — народный и классический, я училась у него и джаз-танцу. Я занималась академическим вокалом с великолепным педагогом — **Еленой Сергеевной Чаплыгиной**. В итоге мне удалось добиться большого количества красок, потому что песни я пою очень разные. В следующем году выходят два моих альбома, настолько разных, что невозможно поверить, что их спел один человек. Первый — рок-альбом. Второй — альбом классической музыки, где я пою в академической манере. Это — не попытка угодить всем. Я просто пытаюсь какую-то идею, свою истину перевести на разные языки. Я пытаюсь поразмышлять вместе с людьми о том, ради чего человек живет на Земле. Не вообще, а в каждую конкретную минуту. О том, кого он сегодня согрел своим творчеством, теплом, кому улыбнулся в метро, кому помог выжить по большому счету и прийти к самому себе.

Елена КУРБАНОВА.

Фото Александра ВОЛОДИНА.